

Ли Сянь посмотрел на его улыбку и усмехнулся:

— Кем я был в прошлой жизни, не знаю, но вот кем был ты — в этом нет никаких сомнений.

— О? Любопытно было бы узнать.

— Разумеется, лисой.

Ли Сянь слегка дернулся, и Чу Илань разжал руки. Ли Сянь тут же повернулся, собираясь уйти.

— Эй, ты уходишь? Ликование войска еще не стихло, если ты сейчас уйдешь, разве не разочаруешь их?

Ли Сянь обернулся и улыбнулся:

— Поверь мне, настоящий объект их ликования — это ты, а вовсе не я.

Глядя на удаляющуюся в одиночестве спину Ли Сяня, Чу Илань поманил рукой Чэнь Пина, который неотступно следовал за ним. Тот склонился и подошел ближе:

— Чэнь Пин, как думаешь, кем он был в прошлой жизни?

Простодушный юноша почесал затылок:

— Этого ваш подчиненный знать не может.

— Это волк. Чистокровный волк с прекрасной серебристо-белой шерстью, волк, что идет по жизни в одиночестве. — Юношеское лицо Чу Иланя исказилось в очаровательной, но хищной усмешке, полной торжества. — Во всей Поднебесной только я, Чу Илань, могу заполучить столь драгоценного питомца.

Чэнь Пин зашевелил губами, но не произнес ни звука. С древних времен еще никому не удавалось сделать гордого дикого волка своим питомцем, даже если он был до боли одинок...

Едва Ли Сянь вернулся в комнату, как кто-то неожиданно набросился на него со спины, навалившись всей тяжестью. Ли Сянь криво усмехнулся:

— Ли Синьтянь, ты хоть осознаешь свои нынешние рост и вес? Хватит уже играть в эти детские нежности, мне такое не по силам.

— Жадина. Что такого, если я тебя обниму? — Ли Синьтянь надул губы, и на его лице, с каждым днем становящемся все более зрелым, проступило детское простодушие. — Я же радуюсь за тебя! Южный двор погряз в распрях, они ослабили друг друга междоусобными

войнами и теперь пребывают в хаосе. После поражения Хуэрчи ясно как день, что ты снова сможешь взойти на трон. Разве это не повод для радости?

Ли Сянь покачал головой:

— Радоваться нечему. Я с самого начала не собирался становиться императором.

— Э? — Ли Синьтянь озадаченно посмотрел на него. — Тогда зачем ты покинул монастырь Шаолинь и повел войска на север?

— Хотя у Чу Иланя есть армия, его авторитета недостаточно. Если я не покажусь, ему в одиночку будет трудно завоевать народные сердца. Страна в беде, настоящий мужчина должен знать, что делать, а чего не стоит. Я не мог стоять в стороне, когда пришла пора действовать. Теперь, когда в Поднебесной воцаряется порядок, мне, естественно, пора уйти, сделав свое дело. Зачем мне оставаться?

Ли Синьтянь подпер голову рукой, обнажив два клыка:

— Учитель, ты правда можешь так просто бросить престол?

Ли Сянь горько усмехнулся:

— Я дважды был императором, неужели мне еще не хватило?

Чэн Линся, все это время тихо стоявший у порога, вдруг подал голос:

— А как же остальное? Это ты тоже можешь бросить?

— Остальное? Что еще? Если учитель даже к трону равнодушен, что может быть такого, от чего он не смог бы отказаться? — Ли Синьтянь был в полном недоумении.

Ли Сянь знал, что даже такой близкий человек, как Ли Синьтянь, пребывал в неведении относительно их отношений с Чу Иланем, в то время как Чэн Линся уже почувствовал все своей невероятной интуицией. Ли Сянь отвел взгляд от испытующего взгляда Чэн Линся и устремил его в глубину неба за окном. Небо было таким лазурным, облака — такими белоснежными, мир — таким прозрачным. На мгновение его посетила абсурдная мысль: может быть, Чу Илань действительно любит его? Может, он даже мог бы оставить мирскую роскошь и богатство, чтобы последовать за ним на край света?

Ответа он не знал. Даже после близости их тел он не мог понять Чу Иланя, который то одаривал его хитроумной улыбкой, то был нежен и заботлив, как любовник. Он не знал, что выберет Чу Илань: его или трон.

О всех этих прекрасных мечтах он мог говорить лишь с приставкой «возможно».

Ли Сянь достал два заранее подготовленных конверта и вложил их в руки Ли Синьтяню:

— Пока в городе царит хаос после недавнего захвата, уезжай сегодня же. Как выберешься, отправляйся в место, указанное в первом письме, и жди меня. В течение трех дней я постараюсь вырваться и найти тебя там. Если на четвертый день я не появлюсь, вскрой второе письмо и делай то, что в нем написано.

Ли Синьтянь обеими руками принял конверты и серьезно кивнул. Ли Сянь повернулся к Чэн Линся:

— Все еще нет вестей о твоих родителях?

Чэн Линся кивнул:

— Да. Я несколько раз спрашивал Чу Иланя, но он всякий раз отнекивался, говоря, что от клана Тан нет вестей. Мне кажется, он делает это нарочно. Только не пойму, почему он до сих пор не отозвал людей клана Тан?

Ли Сянь насмешливо произнес:

— Он просто не хочет, чтобы мы встретились. Думаю, тебе лучше уехать из города вместе с Ли Синьтянем — с ним тебе будет безопаснее. Если останешься, то со временем непременно станешь заложником, с помощью которого Чу Илань будет держать меня на поводке. Люди клана Тан рано или поздно объявятся у него, чтобы получить награду за заслуги, и тогда ты сам сможешь найти родителей.

Чэн Линся заколебался:

— Если уходить, то всем троим вместе. Я не могу оставить тебя одного, этот Чу Илань... В общем, я его ненавижу.

Ли Сянь похлопал его по плечу, утешая:

— Слишком много людей — слишком легкая мишень. Боюсь, если пойдем втроем, никто не спасется. Ступайте первыми, если я попаду в беду, хоть будет кому прийти на помощь.

Видя, как Чэн Линся нехотя кивает, он посмотрел на еще не повзрослевшее лицо Ли Синьтяня и вдруг вспомнил его отца и братьев, погибших от его собственной руки. Он взял Ли Синьтяня за руку, и голос его дрогнул:

— Синьтянь, учитель... виноват перед тобой. Надеюсь, в будущем у меня будет шанс искупить это.

Ни о чем не подозревающий Ли Синьтянь с искренностью в глазах сжал руку Ли Сяня:

— Учитель, зачем ты так говоришь? Ты дважды спасал мне жизнь и передал мне свою внутреннюю энергию. Я безмерно тебе благодарен, и еще... — он опустил голову, его щеки

вдруг залил румянец, а голос стал тише и застенчивее. — Не будем об этом. Как бы то ни было, я в любом случае буду тебя защищать.

Ли Сянь слабо улыбнулся, в этой улыбке было полно вины. Вдруг он вспомнил одну деталь:

— Раньше ты называл меня «вы», когда это ты перешел на «ты»?

Ли Синьтянь фыркнул, словно выражая недовольство придирчивостью Ли Сяня или насмехаясь над его непониманием чувств. Ли Сяню оставалось лишь мысленно усмехнуться: этот ребенок перестал уважать его как учителя.

Ли Синьтянь развернулся, но, дойдя до двери, вдруг обернулся и бросился в объятия Ли Сяня. Тот попробовал отстраниться, но юноша не сдвинулся с места, поэтому Ли Сяню пришлось позволить ему обхватить себя за талию и прижаться всем телом.

— Сколько тебе лет? Почему ты ведешь себя как ребенок, расстающийся с матерью? — поддразнил Ли Сянь. — Мы не в первый раз прощаемся, не обязательно быть таким привязчивым.

Ли Синьтянь прижался головой к груди Ли Сяня и потерся:

— Именно потому, что не в первый раз, мне так тяжело. В прошлый раз ты попал в руки Чу Иланя, а потом полгода о тебе не было ни слуху ни духу. Ты знаешь, как я волновался? Если с тобой что-то случится, я... я... — он начал всхлипывать, и глаза его покраснели.

— Если со мной что-то случится, ты тоже не выживешь? — рассмеялся Ли Сянь. — Ладно, побереги эти слова для того, чтобы охмурять женщин, тратить их на учителя — пустая трата. Такой большой, а все как дитя. Не смеши Линся. Помнится, в твоем возрасте я... — Ли Сянь задумался, но не нашел в своей юности никаких подвигов, достойных похвалы. Запнувшись, он смущенно сменил тему: — Короче, вы двое, поторапливайтесь.

Ли Синьтянь снова фыркнул.

Ли Сянь внезапно понял, что за эти несколько месяцев после воссоединения его величественный образ в глазах Ли Синьтяня изрядно потускнел. Этот мальчишка все меньше выказывал ему почтение, положенное старшему. А ведь, казалось бы, в последнее время, командуя армией, он проявил немало талантов и стратегий, так что если не обожание, то хотя бы уважение должно было остаться.

Ли Синьтянь и Чэн Линся, забрав выданные им жетоны, в тот же день благополучно выбрались из города. Ли Сянь не поехал с ними: во-первых, обстоятельства не позволяли, во-вторых, он не мог так просто от всего отсечься. В глубине души он все еще лелеял крошечную иллюзию — хотел развеять истинные намерения Чу Иланя.

Вечером того же дня на праздничном банкете в резиденции, где временно остановился Чу Илань, сияли огни, словно среди бела дня. Гости сидели за столами, а в центре зала с десяток красавиц-танцовщиц исполняли легкие танцы, размахивая длинными рукавами.

Когда Ли Сянь вошел в зал, пир был в самом разгаре. Пять или шесть генералов сидели рядом с Чу Иланем в главе стола, каждый обнимал очаровательную женщину. Ли Сянь мельком взглянул на женщину, которая с кокетливым смехом сидела на коленях у Чу Иланя, и, не подав вида, занял место во главе стола, оставленное для него.

Чу Илань же, казалось, вовсе его не замечал, продолжая любезничать с красоткой на своих коленях.

Едва он сел, как красавица с кубком вина в руках подплыла к нему:

— Почему император пришел так поздно? Должны быть штрафные! — Эта куртизанка не была во дворце и не знала дворцового этикета, но, зная, кто такой Ли Сянь, старалась угодить ему еще больше. Наклонившись, она, словно мягкая глина, прильнула к нему.

Ли Сянь слегка улыбнулся, не обнимая ее, но и не отталкивая. Как только он собрался взять вино, красавицу внезапно, словно ветром, сдернул с его коленей Чу Илань.

— Иди сюда, со мной выпьешь! — без всяких манер рявкнул он на девушку, а затем бросил свирепый взгляд на Ли Сяня.

Ли Сянь пожал плечами и невозмутимо принялся пить в одиночестве.

Выпив несколько чарок, он покинул застолье. Стоило этому трезвеннику уйти, как в зале сразу стало шумно, слышались сальные шутки.

В ту ночь Чу Илань не пришел. Ближе к полуночи Ли Сянь почувствовал, как кровать прогнулась под чьим-то весом, и на него навалилось горячее тело, несущее запах алкоголя. Ли Сянь проснулся и, разглядев при лунном свете лицо Чу Иланя, увидел, что тот зло усмехается.

— Почему вернулся так рано?

— Я всего лишь гость, следую за желанием хозяина. Разве не для того, чтобы вам угодить? — Ли Сянь махнул рукой и усмехнулся: — Опять от тебя разит вином и дамскими духами. Неужели тебе мало того, что пол-ночи прокуролесил, теперь еще решил меня потревожить?

Чу Илань, опираясь руками на кровать, приподнялся и, прищурившись, стал рассматривать лицо Ли Сяня:

— Что, ревнуешь? Не злись, я просто развлекался, это была лишь игра. Такие женщины годятся лишь на то, чтобы быть моими игрушками на одну ночь.

Сегодня Чу Илань был злым и коварным, совершенно не похожим на того нежного и искреннего возлюбленного, каким был последние месяцы. Он казался чужим, словно другой человек, но при этом был до боли знаком — таким, каким Ли Сянь увидел его при первой встрече. В этот момент образ Чу Иланя стал необычайно четким, в то время как воспоминания за последние несколько месяцев затуманились, будто долгий прекрасный сон, полный нереальных иллюзий.

На мгновение застыв, Ли Сянь отвел взгляд:

— Я устал. Хочу спать.

Но Чу Илань не собирался уходить. Напротив, он придвинулся к Ли Сяню и, не раздеваясь, лег рядом, его рука начала бесцеремонно блуждать по телу.

— Такая прекрасная ночь, не стоит ее тратить впустую. Ну же, малыш.

— Перестань, у меня нет настроения.

— Не будь таким холодным, послушайся, малыш. — Полностью игнорируя желание Ли Сяня, Чу Илань перевернулся и силой навалился сверху. Его возбуждение, твердое, как камень, уперлось в поясницу Ли Сяня сквозь слои одежды. Поцелуи, которыми он принялся осыпать его, все еще хранили запах чужой пудры, а исходящий от него резкий запах алкоголя вызвал у Ли Сяня тошноту.

Неужели этот отвратительный человек — тот самый, в которого он влюбился?

Не в силах противостоять напору Чу Иланя, Ли Сянь внезапно подался вперед и что есть силы впился зубами в его губы.

— А-а... — вскрикнул Чу Илань от боли и отпустил его. Яркая кровь потекла по его белоснежной челюсти, а в глазах вспыхнула ярость. Он уселся на Ли Сяня сверху и замахнулся рукой, но Ли Сянь лишь смотрел на него своим обычным, бесстрастным и бесстрашным взглядом. Время словно остановилось, воздух застыл на мгновение, и удар все же обрушился на него.

— В последнее время я был слишком снисходителен к тебе, и ты забыл свое место. — В холодном фырканье Чу Иланя сквозило презрение, а глаза сверкали жестокостью. — Ты всего лишь марионетка, питомец, стонущий подо мной. У тебя ничего нет, ты правда думаешь, что можешь мне сопротивляться?

Ничего нет? По крайней мере, я верил, что у меня есть та любовь, которую ты мне дал.

Онемевшая щека горела от боли, но по-настоящему кровоточило сердце.

Люди переменчивы, мир непостоянен, а он-то думал, что сможет найти в этом хитроумном человеке любовь, о которой так мечтал. Как же это глупо, как смешно!

Он дернул уголком губ, выдавив из себя горькую усмешку.

Сон весенней ночи, призрачный и иллюзорный — за этой обманчивой красотой скрывалась реальность: жестокая, но бесконечно правдивая.

Две потери императорской власти, взлеты и падения на чиновничьем поприще... неужели он действительно настолько глуп, раз продолжал мечтать о чистом счастье?

Зная, что без внутренней силы ему не оттолкнуть этого мерзавца, Ли Сянь не мог просто ждать, пока его растопчут. В отчаянной борьбе его черные волосы растрепались, а на щеках проступил гневный румянец.

Но он так и не позвал на помощь. Даже если бы позвал, кто смог бы его спасти?

Он сам был глупцом, и теперь, даже если пожинает горькие плоды, ему остается лишь молча проглотить их.

Тонкая одежда под сильными руками Чу Иланя быстро превратилась в лохмотья, его бешеное дыхание, несущее тошнотворный запах алкоголя, обдавало лицо, а победный смех, звучавший в ушах, был подобен страшному кошмару, сдавившему сердце.

Беспомощность Ли Сяня лишь тешила его самолюбие.

Странно, но в этот момент Ли Сяню хотелось лишь громко рассмеяться. Все считали Ли Сяня драгоценным трофеем, и даже такой умный человек, как Чу Илань, на самом деле гордится тем, что победил его? А ведь, по сути, как и сказал Чу Илань, он, потеряв все, стал лишь обычным, хрупким человеком.

Потеряв то сердце, что не знало волнений, что у него осталось на самом деле?

Пока Чу Илань безумно терзал его тело, Ли Сянь согнул локоть и резко ударил его в точку Таньчжун. Чу Илань холодно усмехнулся и заблокировал удар ладонью:

— Хорошо, что я лишил тебя боевых искусств. Ты правда думаешь, что сейчас сможешь со мной тягаться?

Жестокий блеск мелькнул в его глазах, кулак с силой опустился на живот Ли Сяня, и не успела боль разойтись по телу, как Чу Илань перевернул его...

Покорение... покорение... и еще раз покорение...

Ли Сянь крепко прикусил побелевшую нижнюю губу, и одна хрустальная слеза медленно скатилась по щеке.

Никто не мог утереть его слезы, так что соленый вкус он мог ощутить лишь сам.

Что же такое эта пресловутая любовь?

Он, который хотел испытать искренность чувств Чу Иланя, вдруг показался себе нелепым дураком.

После пронзительной боли в душе воцарилась пустота. Лишившись последней привязанности, он понял, что его сердце больше не будет сковано его притворством. В этот раз он наконец-то сможет оставить мирскую суету и обрести свободу.

Словно желая отомстить, следующие несколько дней Чу Илань больше не появлялся. Ли Сянь несколько раз проходил мимо его покоев — двери были плотно закрыты, а откуда-то издали доносились смех и стоны. Чэнь Пин, охранявший вход, при виде его смущенно опускал голову. Ли Сянь лишь легко улыбался в ответ: так даже лучше, по крайней мере, когда он уйдет, сердце не будет так болеть по тому, кого он когда-то любил.

Страстную любовь легко сохранить, да только истинные чувства уберечь невозможно.

Это были слова самого Ли Сяня перед их первой ночью. Теперь они стали правдой. То ли Чу Илань, приложивший столько сил, чтобы его обмануть, оказался слишком хитер, то ли жажда любви сделала его, не желающего смириться с одиночеством, просто глупцом?

Ли Сянь знал лишь одно: в этом поединке он проиграл вчистую.

Тот, кто отдал свое сердце, разве мог победить на поле битвы, усеянном ловушками лжи?

Радовало лишь то, что в конце концов он снова стал собой.

Вечером третьего дня, в тот самый момент, когда Ли Сянь уже собирался уйти, он не смог сдержать себя и остановился перед дверями Чу Иланя. В его глазах не было пронзительной боли, лишь легкая грусть, которую невозможно было скрыть. Печаль расставания под действием времени лишь концентрировалась, и он вложил всю эту невыразимую тоску в последний взгляд. Отныне они были на разных берегах, и больше им не суждено увидеться.

Он не хотел винить Чу Иланя в хитрости и безжалостности — именно его собственная душевная слабость дала ему возможность воспользоваться ситуацией. По крайней мере, он

когда-то подарил ему самую прекрасную любовь в его жизни, даже если это была лишь игра, лишь обман.

Освободившись от оков чувств, он вернулся к состоянию без желаний и стремлений, и этот редкий опыт сделает его лишь сильнее.

Уже пятый раз, мысленно считал Чэнь Пин. За три дня Ли Сянь уже пятый раз стоял здесь.

При их первой встрече во время борьбы за трон Чэнь Пин видел в нем настоящего политика, который мог лишить человека жизни в ходе непринужденной беседы. Позже Ли Сянь расправился с оппозицией, прибрал власть к рукам — его императорская холодность была очевидна.

Когда они объединились с Ли Сянем, он был одним из тех, кто выступал против этого решительнее всего.

Но за месяцы походов он постепенно понял, что Ли Сянь, сбросив драконий халат, вовсе не был бессердечным человеком. Под его мягкой улыбкой скрывался характер, не желающий спорить с миром. Когда Чу Илань с усмешкой сказал, что сделает его своим самым ценным питомцем, Чэнь Пин даже почувствовал к Ли Сяню каплю жалости.

На полях сражений, в моменты смертельной опасности, он снова убедился в необычайном таланте и широте души Ли Сяня.

Такой человек, истинный дракон среди людей, возможно, и правда мог стать величайшим императором всех времен.

Думая об этом, он вдруг обнаружил в нем, обманутом своим господином, самую человеческую слабость.

Слабость, стойкость, спокойствие, холодность, одиночество, высокий интеллект.

Увидев все эти разные грани Ли Сяня, он понял: нет человека без изъянов, а сам Ли Сянь — самое противоречивое их сочетание.

Позади доносился смех господина и женщины, перед глазами — глубокий, печальный взгляд Ли Сяня. Внезапно Чэнь Пином овладел порыв, и, когда Ли Сянь собрался уходить, он поспешно подошел к нему:

— Император, у вас есть какое-то важное дело? Ваш подчиненный может доложить господину.
— Гнев был неизбежен, но в любом случае господин не стал бы казнить его, верного подчиненного.

Ли Сянь покачал головой:

— У меня нет важных дел, и не надо беспокоить его. — Сделав несколько шагов, он обернулся и добавил: — Не говори Чу Иланю, что я здесь был.

Ли Сянь постепенно удалялся. Глядя на его фигуру, растворяющуюся в сумерках, Чэнь Пин словно почувствовал его одиночество.

«Пусть господин пойдет и побудет с ним, может, это сделает его счастливее», — с оптимизмом подумал он.

В тот момент Чэнь Пин никак не мог предположить, что его мимолетная доброта обернется для Ли Сяня страшной бедой.

Выбравшись из города Хуалян, Ли Сянь скакал на лошади почти всю ночь. В тишине пустыни лишь бесчисленные звезды, проливая холодный свет, безмолвно наблюдали за ним. Луна взошла высоко в небо, Ли Сянь остановился, чтобы дать коню немного отдохнуть, а затем продолжил путь. Но стоило ему вскочить в седло, как позади послышался громopodobный топот копыт. Оглянувшись, он увидел вдалеке поднимающуюся пыль: это Чу Илань лично во главе большого отряда гнался за ним. Он не смел медлить, взмахнул кнутом, и его конь, «Тысячеликий ветер», расправив копыта, рванулся вперед подобно метеору.

<http://bllate.org/book/21139/2144075>